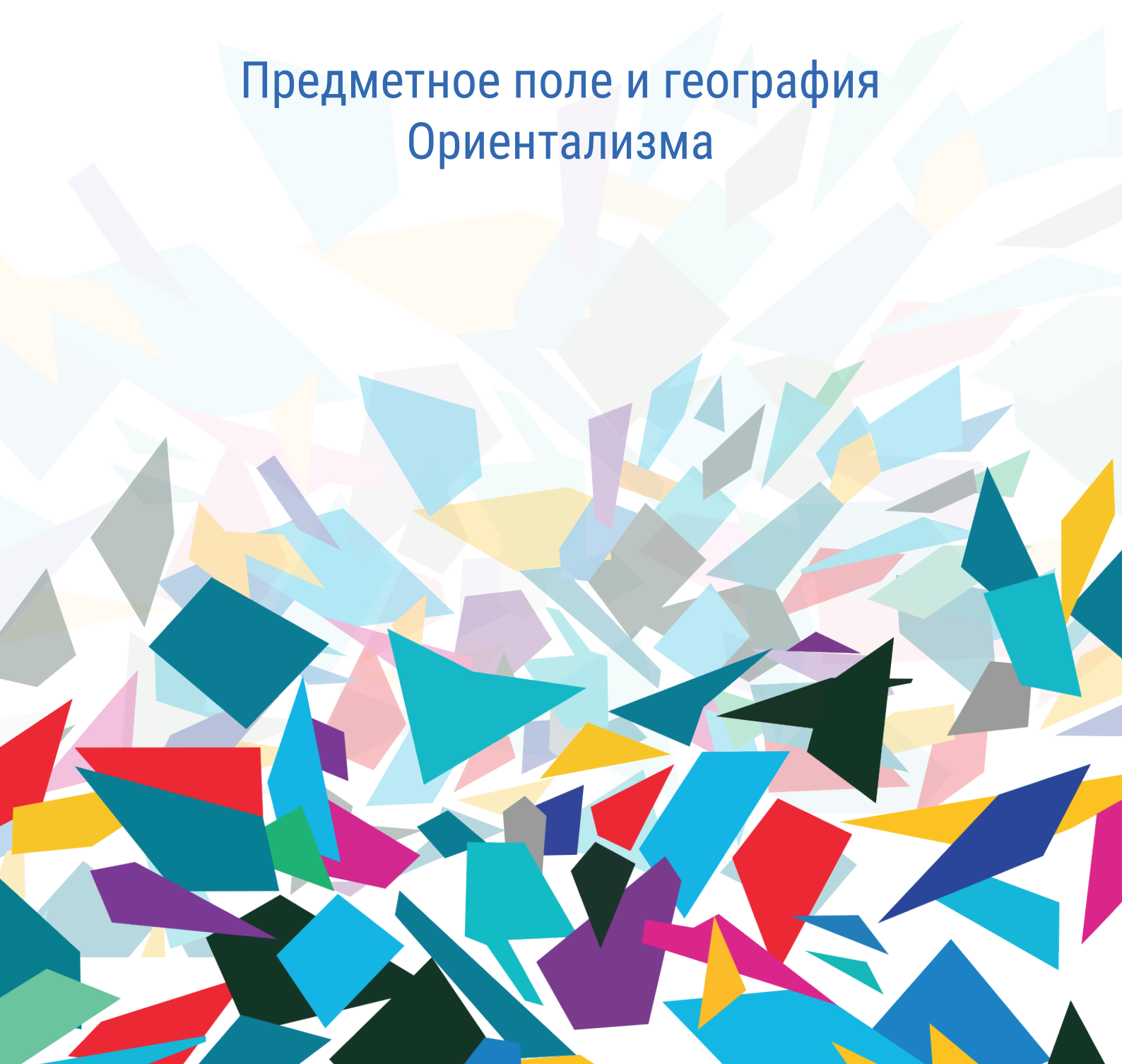

ОРИЕНТАЛИЗМ

Предметное поле и география
Ориентализма

Основная цель лекции: рассмотреть особенности предметного поля знаний Запада о Востоке в 19 веке; связь ориентализма с географией.

Прекурсоры ориентализма как научного направления

Как отмечает Саид, на христианском Западе официальный отсчет ориентализма ведется от решения Венского церковного собора в 1312 году открыть ряд кафедр «арабского, греческого, древнееврейского и сирийского языков в Париже, Оксфорде, Болонье, Авиньоне и Саламанке». «Особый интерес представляет одиннадцатый канон, определяющий, что кафедры для преподавания древнееврейского, греческого, арабского и халдейского должны быть созданы при главных университетах. Это предложение исходило от Раймонда Луллия, который отстаивал необходимость изучения арабского как лучшее средство для обращения арабов. Хотя канон остался практически без последствий, поскольку трудно было найти достаточное количество преподавателей восточных языков, сам факт его принятия говорит о росте миссионерских настроений на Западе. Григорий X надеялся также на обращение монголов, а францисканские монахи в своем миссионерском рвении проникли в самые глубины Азии. Несмотря на то что эти цели не были достигнуты, миссионерский дух продолжал развиваться».

Предмет и поле исследований ориентализма

Саид ставит проблему о связи исследователя с предметом, а также с более широким полем исследования, в случае с Востоком данное поле основывается на географической, культурной, лингвистической и этнической категории под названием «Восток». Как он отмечает, поле исследований может меняться и порой даже самым радикальным образом, даже в самых традиционных дисциплинах, таких как филология, история или теология, поэтому, по мнению Саида, универсальное определение предмета исследования оказывается практически невозможным. Именно так и обстоит дело с ориентализмом, причем по самым любопытным причинам.

Говоря о научной специализации как о географическом «поле», мы отчетливо понимаем, что в случае ориентализма никто даже представить себе не может какое-то симметричное поле под названием «оксидентализм». В этом Саид видит особый, можно даже сказать, аномальный подход ориентализма.

Он считает, что подобная фиксированная, более или менее тотальная географическая позиция в отношении столь разнообразных социальных, лингвистических, политических и исторических реалий беспрецедентна. Специалист по классическим языкам, по романистике, даже американист — все они фокусируются на сравнительно небольшой части мира, вовсе не претендуя на то, чтобы заниматься половиной мира. Но ориенталисты традиционно занимаются Востоком (специалист по исламскому праву, как и эксперт по китайским диалектам в равной мере называют себя ориенталистами).

Как пишет Саид, «мы должны научиться принимать огромный, почти необъятный размер этой сферы, плюс практически бесконечную возможность ее дробления в качестве одной из главных характеристик ориентализма — характеристики, которая отчетливо проступает в беспорядочной амальгаме имперской неопределенности и точных деталей. Все это является описанием ориентализма как академической дисциплины. Суффикс «изм» в слове «ориентализм» служит для того, чтобы настаивать на отличии этой дисциплины от всех остальных. Правилom в академическом развитии ориентализма было расширение его масштаба, а не повышение степени избирательности... До середины XVIII века ориенталистами были ученые, занимавшиеся библеистикой, изучавшие семитские языки, специалисты по исламу или, коль скоро иезуиты заново открыли для изучения Китай, синологи. Однако вся срединная часть Азии не была освоена в академическом отношении вплоть до конца XIX века, пока Анкетиль Дюперрон и сэр Уильям Джонс не смогли внятно продемонстрировать исключительное богатство авестийского языка и санскрита».

К середине XIX века ориентализм стал столь обширной сокровищницей учености, какую себе только можно представить. Данное положение Саид рассматривает на примере двух, как он пишет, показателей «этого нового, победоносного эклектизма. Один из них – энциклопедическое описание ориентализма приблизительно с 1765 по 1850 год, данное Раймоном Швабом в его «Восточном Возрождении».

Второй показатель того исключительного характера, который ориентализм приобрел после Венского собора, можно найти в хрониках XIX века самого этого предметного поля. Наиболее полным в этом отношении является «Vingt sept Ans d'histoire des etudes orientales» Жюля Моля (Jules Mohl) – двухтомный обзор всего достойного внимания, что произошло в ориентализме между 1840 и 1867 годами. Моль был секретарем Азиатского общества в Париже, а Париж в первой половине XIX века был столицей ориенталистского мира (и даже, согласно Вальтеру Беньямину, столицей XIX века вообще). Таким образом, положение Моля в обществе как нельзя более соответствовало центральной позиции в ориентализме в целом. Едва ли найдется что-либо, сделанное европейскими учеными и имеющее отношение к Азии на протяжении этих 27 лет, что Моль не включил бы в свои «études orientales». Его заметки касаются, конечно, прежде всего публикаций, но спектр опубликованного материала, представляющего интерес для ученых ориенталистов, поистине поражает. Это и арабский язык, и бесчисленные индийские диалекты, древнееврейский, пехлеви, ассирийский, вавилонский, монгольский, китайский, бирманский, месопотамский, яванский языки: список считавшихся ориенталистскими филологических работ бесконечен. Более того, ориенталистские исследования охватывают собой все, от редактирования и перевода текстов – до нумизматики, антропологии, археологии, социологии, экономики, истории, литературы и культурологии в каждой из известных азиатских и североамериканских цивилизаций, древних и современных. «История европейских ориенталистов в XII–XIX столетиях (1868–1870)» Гюстава Дюга (Gustave Dugat) – это история лишь основных фигур, но и здесь спектр представленного не менее широк, чем у Моля.

Саид отмечает, что данный эклектизм имел и свои белые пятна. «Академические ориенталисты по большей части интересовались классическим периодом предмета своего изучения – языка или общества. И до самого конца века, за единственным важным исключением наполеоновского Института Египта, серьезного внимания академическому изучению современного, или реального Востока не уделялось. Более того, в общем и целом Восток, который они изучали, был миром текстов. Восток оказывал влияние посредством книг и манускриптов, в отличие, как это было в случае с влиянием Греции на Ренессанс, от воздействия через миметические артефакты – скульптуру и керамику... Когда ученый ориенталист путешествовал по стране своей специализации, то неизменно рассматривал ее сквозь неоспоримые абстрактные максимы по поводу «цивилизации».

Наконец, сами сила и масштаб ориентализма породили не только громадный объем конкретного знания о Востоке, но также и знание, так сказать, второго порядка, сокрытого в таких областях, как «восточная» сказка, мифология таинственного Востока, представление об азиатской непостижимости – живущего своей собственной жизнью. Это было то, что В. Дж. Кирнан (Kiernan) кстати назвал «коллективными грезами Европы о Востоке». Одним из счастливых следствий этого обстоятельства было то, что значительное число крупнейших писателей XIX века были восторженными поклонниками Востока: думаю, что совершенно корректно говорить об ориентализме как о литературном жанре, представленном такими именами, как Гюго, Гете, Нерваль, Флобер, Фитцджеральд и многие другие.

Ориентализм в экспрессивном символизме

Помимо научного исследования Востока, которым занимались на протяжении этого периода ученые профессионалы, в Европе разворачивается настоящая эпидемия увлечения Востоком, затронувшая практически каждого крупного поэта, эссеиста и философа того периода. «Термин «восточный» обозначает энтузиазм любителей и профессионалов ко всему связанному с Азией, что было синонимом всего экзотического, таинственного, глубокого и плодovitого. Это представляет собой дальнейшее распространение на Восток аналогичного энтузиазма Европы

в отношении Греции и античного Рима в эпоху Высокого Возрождения. В 1829 году Виктор Гюго выразил эту смену направлений следующим образом: «Au siècle de Louis XIV on était helléniste, maintenant on est orientaliste».

Таким образом, как пишет Саид, ориенталист XIX века был либо ученым (синологом, исламоведом, индоевропеистом), либо талантливым энтузиастом («Восточные мотивы» Гюго, «Западно-восточный диван» Гете), или же тем и другим одновременно (Ричард Бертон, Эдвард Лэйн, Фридрих Шлегель).

Показательным является шедевр Иоганна Вольфганга Гёте (1749–1832) – произведение «Западно-восточный диван», который Гёте писал в течение пяти лет и закончил его к 1819 году. Его публикация в целом отразила настроения эпохи романтизма начала 19 столетия, а также, как было отмечено выше, интерес ко всему восточному и попытки понять, возможен ли синтез между восточным и западным образами жизни.

«В «Западно-восточном диване» Гете сумел органически соединить восточную и западную литературную культуру, высказал очень важную по тем временам мысль о ее общечеловеческом значении, не забывая при этом, что Восток и Запад все-таки совершенно разные культурно-исторические формации. И продемонстрировал все это через самое простое и сложное, общечеловечески понятное – любовь, внутренний мир человека, который был так важен для романтика. Однако Гете показал внутренний мир не отдельного человека, а целой культуры, еще раз возвещая этим общечеловеческую ценность восточной поэзии и культуры. Романтических героев в «Западно-восточном диване» много – каждый персонаж этой книги в известной мере является романтическим героем. Однако главным из них является сам Восток во всем своем многообразии и переменчивости, во всей своей таинственности и страстности, неповторимости, непонятности для западного человека».

Как отмечают исследователи, «поэт всю свою жизнь питал особую привязанность и любовь к культуре и литературе Востока. Чтение и изучение священного Корана (в немецком переводе), сказок «Тысяча и одна ночь», путевых дневников европейских путешественников усилили его интерес, прежде всего, к персидской поэзии. Однако первым и основным проводником Гете в познании Востока, согласно мнению большинства исследователей, был Диван Хафиза». По мнению А. Саидова, «Гёте, хотя жил и творил в Германии, духовно является поэтом Востока. Смысл и содержание его произведений, чувства отличаются присущими для восточного человека особенностями... По его выражению, все семь звезд мировой поэзии – это поэты Востока. Среди этих семи звезд восточного мира выделяя Саади, Хафиза и Навои, Гёте говорит, что не достоин даже их тени».

В этом плане, пожалуй, творчество Гете можно считать одним из важных проявлений Ориентализма, применительно к литературному креативному творчеству, который в своих стихах отразил иную идею, также существовавшую в данном условном предметном поле под названием «Восток». Это идея, противоположная утверждению Киплинга о том, что Запад и Восток не сойдутся никогда. Это идея о том, что «Orient und Occident Sind nicht mehr zu trennen/ Восток и Запад уж более неразделимы».

Уместно будет вспомнить также и тот факт, что сам Саид являлся соучредителем фонда и «Оркестра западно-восточного дивана». Думается, отражение в своей не только научной, но и общественной и культурной деятельности данного факта говорит также и о том, что ученый глубоко лично ощущал и прорабатывал в себе возможности, формы взаимодействия между Востоком и Западом. Ну и, конечно, влияние вечных (перениальных) идей великих представителей культуры не может считаться лишь национальным достоянием, оно – часть мировой культуры.

В заключение отметим, что для Саида ориентализм как научное направление все еще не завершено. «Сегодня ориенталисты называют так сами себя значительно реже, чем это было еще перед Второй мировой войной. Однако такое название все еще полезно, поскольку в университетах существуют программы и отделения восточных языков или восточных цивилизаций. Существует восточный «факультет» в Оксфорде, отделение Восточных исследований в Принстоне. Не далее как в 1959 году Британское правительство уполномочило специальную комиссию «рассмотреть состояние дел в области восточных, славянских и восточно-европейских, а также африканских исследований; обсудить, дать рекомендации

и предложения на будущее». В «Отчете Хэйтера», как его окрестили по опубликованию в 1961 году, не чувствуется никакой озабоченности столь широким употреблением термина «восточные», поскольку сочли, что его успешно применяют таким же образом и в американских университетах. Даже величайший авторитет в современных англо-американских исследованиях по исламу Г. А. Р. Гибб предпочитал сам себя называть ориенталистом, а не арабистом. Сам Гибб, классицист, мог использовать этот уродливый неологизм «страноведение» (area studies) в отношении ориентализма как способ показать, что страноведение и ориентализм в итоге оказываются взаимозаменяемыми географическими наименованиями. Однако, по моему мнению, это удачно раскрывает более любопытные взаимоотношения между знанием и географией, о чем я хотел бы вкратце рассказать».

Контрольные вопросы (опорные) для самопроверки

1. Почему, по мнению Саида, универсальное определение предмета исследования в ориентализме оказывается практически невозможным?
2. Как Вы понимаете фразу Дж Кирнана «коллективные грезы Европы о Востоке»?

Задания для самостоятельного выполнения

1. Ознакомьтесь с произведением Иоганна Вольфганга Гёте «Западно-восточный диван» и охарактеризуйте его.

Список рекомендуемых ресурсов по теме лекции

1. Said, Edward W. Orientalism. London: Penguin, 2003. 396 p.
2. Гете И.В. Западно-Восточный диван. – М.: Наука, 1988.